

УДК 271.22-86(001)

DOI <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.27.67>

Становление официальной доктрины религиозного раскола Русской православной церкви в трудах В. Н. Татищева

А. С. Маджаров

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается становление официальной доктрины религиозного раскола Русской православной церкви в трудах В. Н. Татищева. Показано, как историк России, опираясь на рационализм, просветительство, монархизм, формировал первую «светскую» доктрину религиозного раскола Русской православной церкви. Татищев не считал, что реформы Никона изменили веру, он обличал старообрядцев, протопопа Аввакума, Никиту Пустосвята, характеризовал их как «плутов», носителей «ереси староверов» и губителей «простого народа». Вместе с тем историк осуждал патриарха Никона за жестокое отношение к раскольникам. Татищев рассматривал «староверие» на широком фоне мировых явлений. Используя сравнительно-исторический метод, он первым вывел историю старообрядчества за рамки схоластики, отечественной темы, включил в европейский контекст.

Ключевые слова: историография, В. Н. Татищев, религиозный раскол Русской православной церкви, теория, методология, идеология, рационализм, монархизм, сравнительно-исторический метод, клерикально-охранительная доктрина раскола, официальная доктрина раскола.

Для цитирования: Маджаров А. С. Становление официальной доктрины религиозного раскола Русской православной церкви в трудах В. Н. Татищева // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2019. Т. 27. С. 67–76. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.27.67>

Основные направления в отечественной историографии раскола.

История религиозного раскола Русской православной церкви в отечественной историографии изучалась в контексте разных научных направлений. В период возникновения старообрядчества историками церкви были намечены главные черты клерикально-охранительной концепции событий. Эта доктрина раскола доминировала и в историографии XVIII – первой половины XIX в. [2, с. 48–52].

Основы официального (охранительного) направления в отечественной историографии старообрядчества были заложены Василием Никитичем Татищевым (1686–1750). Он кратко охарактеризовал начальный период раскола в «Истории Российской с самых древнейших времен» и дал ряд оценок событиям и людям, причастным к протесту, в специальном исследовании,

посвященном просвещению в России. Однако историки на эти суждения о старообрядчестве не обратили должного внимания, и они остались за чертой историографии темы.

Позднее, в 50-е гг. XIX в., официальной доктрины раскола придерживался Н. Г. Устрялов [2, с. 52–55]. В 60-е гг. XIX в. А. П. Щаповым была создана демократическая концепция старообрядчества [2, с. 55–68; 205–212; 4, с. 40–50]. С марксистских позиций эту проблему изучали Г. В. Плеханов, историки советского периода. Особенно значимыми в теоретическом плане в советское время, на наш взгляд, были публикации А. И. Клибанова.

В рамках экзистенциального (от лат. *existentia* – существование) направления философии истории, опираясь на традицию русской мысли XIX – начала XX в., старообрядчество исследовал Н. А. Бердяев [3, с. 32–43].

В. В. Зеньковский рассмотрел проблему раскола в первом томе «Истории русской философии», опубликованном в 1948 г. в Париже. В «Истории» он раскрыл философские взгляды Татищева, но не затронул его представлений о «старой вере».

В упомянутых работах, в диссертациях последних лет, посвященных проблеме раскола (Н. И. Сазонова, Д. А. Балыкин и др.), взгляды Татищева на старообрядчество не рассматривались.

В обобщающей историографической статье Г. А. Быковской и др. по историографии раскола о В. Н. Татищеве как исследователе старообрядчества сказано лишь несколько слов. При этом авторы упустили из виду его основную работу, затрагивающую тему, – «Разговор дву [х] приятелей о пользе науки и училищах» [1, с. 198–202]. В итоге начальный этап формирования официальной (охранительной) концепции раскола, ее основные черты остались неисследованными. Не было установлено соотношение взглядов историка с предшествующей ему клерикально-охранительной схемой и официальной доктриной, которая получила развитие после его работ.

Рассмотрим концепцию раскола Татищева в контексте его теоретико-методологических воззрений и ее место в ряду других представлений о старообрядчестве.

О происхождении «Истории» В. Н. Татищева и особенностях его теоретико-методологических представлений о структуре истории. Василий Никитич Татищев (1686–1750) был человеком разносторонним. Он участвовал в военных действиях, занимался горным делом, служил дипломатом, губернатором, но в историю России вошел прежде всего как ученый – историк отечества. Его деятельность на ниве русской истории ознаменовала начало научного этапа в отечественной историографии.

Труд Татищева «История Российская с самых древнейших времен» состоял из четырех частей. Первый вариант второй части автор подготовил в 1739 г. Над первой, третьей и четвертой частями «Истории» и новой редакцией второй части работал в 1740-е гг. Его работа вышла в свет в 1768–1784 гг., без четвертой части, которая была опубликована в 1848 г. [8, с. 168–169].

В «Предъизвещении» к «Истории» исследователь раскрыл свои теоретико-методологические представления. Просветитель XVIII в. показал знакомство с трудами зарубежных ученых С. Пуфендорфа, Р. Байля, Х. Вольфа и др., рассказал о предмете и методе истории. Он представил сводку источников и литературы, классифицировал историческую проблематику по объему, содержанию, хронологии, подчеркнул назначение науки, выделил качества, необходимые профессиональному историку для работы, дал периодизацию отечественной истории [6, с. 108].

Официальное направление в отечественной историографии. Рационализм как методологический принцип исторической концепции В. Н. Татищева. В «Истории Российской» В. Н. Татищев заложил основы официального (охранительного) направления в отечественной историографии, в рамках которого изложил свои взгляды на раскол.

Собственные методологические представления о специфике познания отечественного прошлого Татищев высказал в «Предъизвещении» к «Истории», в главе «О древнем правительстве русском и других в пример», а также сочинении «Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственным» и других работах. Он сформулировал научные и идеологические принципы – рационализм, просветительство, монархизм, которые определяли его систему ценностей, методологию исторического познания и легли в основу официального (охранительного) направления в отечественной историографии первой половины XVIII в.

Историк России, рассуждая в предисловии о «приключениях и деяниях», т. е. об истории, отметил, что хочет «показать» не «божественные», а естественные причины событий. В его формулировке принципа причинности, на который Татищев опирался в познании истории, подчеркивались рациональные основы событий: «Все деяния от ума или глупости» случаются [6, с. 112].

С. М. Соловьев одним из первых в отечественной историографии оценил высказанные Татищевым научные постулаты. Он справедливо отметил универсальное значение упомянутого методологического принципа в историческом исследовании рационалиста XVIII в. «Расчету ума, – по словам Соловьева, – ...Татищев подчиняет все» [5, с. 205].

С этой просветительской позиции Татищев подходил к оценке раскола.

Монархизм как методологический принцип исторической концепции В. Н. Татищева. Оценки событий, исторических деятелей в «Истории» Татищева были предопределены идеологической позицией исследователя. Ученый и государственный деятель являлся последовательным сторонником монархической власти в России. Как просвещенный человек своего времени, он считал, что «общей пользе» могут соответствовать разные формы государства – «монархия, аристократия и демократия» [6, с. 482]. Решение вопроса о том, «какое бы правительство было лучшее», по мнению историка, зависело от конкретных условий [6, с. 483]. Обширным государствам, имеющим открытые границы, и таким, «где народ учением и разумом не

просвещен», по его убеждению, подходит монархия [Там же]. К упомянутому типу стран Татищев относил и Россию.

Значение монархического принципа в истории и свое отношение к нему историк раскрыл в сорок пятой главе первого тома «Истории» «О древнем правительстве русском и других в пример».

Монархизм Татищева не являлся техническим инструментом исторического исследования, а был внутренним убеждением, базовой ценностью, методологической основой его труда.

«Разумность» единовластия он обосновал и логически с помощью рациональных исторических аргументов. Ссылаясь на пример «монархий» «Ассирийской, Египетской, Персидской, Римской и Греческой», исследователь доказывал, что при единоначалии упомянутые государства внушали соседям уважение и страх, а когда подданные «дерзнули... власть монархов уменьшить», то столкнулись с «крайнею бедою» [6, с. 483].

Защищая отечественную монархическую традицию, Татищев как историограф опирался на «древние иностранные и наши истории» и утверждал, что предки россиян «всегда имели самовластных государей» [6, с. 488]. Перечисляя правителей в отечестве от Рюрика до Анны Иоанновны, он подчеркивал, что «демократия и аристократия» («демократические правительства») Новгорода и других городов, деятельность Лжедмитрия, «верховников») были губельны для страны, а восстановление самовластия – благотворно [6, с. 480–490].

Обзор фактов, характеризующих значение монархии в России, историк заключал выводом, который раскрывал его идеологическую позицию и особенности методологии исторического исследования. Теперь каждый «может видеть, – подчеркивал Татищев, – сколь монархическое правление государству нашему прочим полезнее». В монархии «богатство, сила и слава государства умножается, а через прочее у малается и гибнет» [6, с. 490].

На методологическую составляющую вывода автора и его универсальное значение обратил внимание уже С. М. Соловьев. Повторив приведенное выше заключение соратника Петра I, он подчеркнул: «С этой точки зрения Татищев смотрит на всю русскую историю» [5, с. 214].

Соловьев как историограф отделял монархические убеждения Татищева от их воплощения в историческом исследовании. Он справедливо отметил наличие монархической оценки в структуре созданного историком научного труда. В сочинениях Татищева, по словам Соловьева, «видно везде ... благоговение перед государством», ему «все должно быть принесено в жертву».

Это «благоговение перед государством» как элемент идеологии строго мотивировало методологию исторического исследования соратника Петра I. «В истории», согласно справедливому замечанию Соловьева, Татищев «без пощады преследует ... всякое уклонение от общих государственных интересов в пользу ... частных», а такие уклонения называет «беспутством» [5, с. 214].

Просветительское начало исторической концепции религиозного раскола Русской православной церкви В. Н. Татищева. Рационалистические, монархические воззрения Татищева, предопределявшие особенности его исторической концепции, тесно соединялись с его просветительством. Во всех общественных вопросах – истории, политике, религии – он выступал с точки зрения интересов государства, понимаемых в духе идеологии реформ Петра I, защищал образование и науку.

В «Истории Российской» и в работе «Разговор дву [х] приятелей о пользе науки и училищах», написанной в 30-е гг. XVIII в. (начальная редакция создавалась в 1730–1733 гг.), он первым из «светских» историков дал оценку «старой веры», патриарху Никону, протопопу Аввакуму с монархической, государственной просветительской, точки зрения.

В «Истории Российской» Татищев коснулся событий начального периода раскола, указал на его причину, которую видел в «исправлении книг».

Другое произведение, затрагивающее тему раскола, – «Разговор» не являлось специальным историческим исследованием по старообрядчеству. Оно было построено как диалог, состоящий из вопросов и ответов, повествующий о пользе науки, образования и охватывающий широкий спектр проблем о боге, вере, человеке, науке, познании, просвещении. Татищев демонстрировал знания Ветхого и Нового Заветов, античной философии, отечественной литературы, истории, рассматривал проблемы веры и атеизма.

Заключения о расколе, патриархе Никоне, старообрядчестве и старообрядцах и были высказаны в контексте широких просветительских размышлений о значении науки и образования в России и за рубежом.

Татищев тесно связывал просвещение с единовластием, подчеркивал, что только «при монархическом ... правлении науки размножились» [7, с. 113]. Одновременно он старался показать отрицательные последствия для просвещения кризисов власти. Ученый констатировал, что в русской истории, особенно в период времени от Федора Ивановича (1557–1598) до правления Алексея Михайловича (1629–1676), значительная часть которого приходилась на Смутное время (1598–1613), «не без ужаса и слез» можно узнать «сколько от недостатка наук и скудости в рассуждении ... беды и разорения государству учинилось» [7, с. 101].

Просветитель сетовал на то, что в стране «мало ученых», знающих «закон божий и гражданский», негодовал по поводу того, что «внешним благочестием» стараются подменить «внутренние добродетели» [7, с. 86]. Он скептически оценивал труды некоторых деятелей церкви, в том числе и борцов с расколом. В частности, похвалив известного Дмитрия Ростовского за христианское житие, он заметил, что «наука его весьма невелика» [7, с. 109].

В. Н. Татищев о просветительской деятельности Петра I. Историк отечества, рассуждая о значении просвещения в России вообще и, в частности, для вразумления раскольников, ликвидации «юрродства, кликушества», постоянно подчеркивал важную роль Петра I в продвижении начал науки, образования, просвещения.

Он отмечал, что Петр I понимал пользу «знания закона божия» и поэтому «понуждал синод» «напечатать» этот «закон» «с изъяснением» [7, с. 82].

Ругая протопопа Аввакума за распространение в народе «ереси староверов», Татищев ссылался на указы императора, в которых тот приказал по всем губерниям и городам учредить училища для искоренения раскола. Средства на открытие школ Петр I приказал изымать в монастырях, поскольку они, по его убеждению, использовались «на роскошь и обогащение родственников». Это распоряжение императора было, как подчеркивал историк, «и богу приятно» [7, с. 129, 82].

Великий преобразователь, по словам Татищева, заводил школы в России в соответствии с современными требованиями. Он изучал порядки других государств, приглашал учителей из-за границы, отправлял молодых людей на учебу за рубеж и тем самым, как считал Татищев, способствовал искоренению раскола.

В. Н. Татищев о расколе в «Истории Российской с самых древнейших времен». Историю возникновения протеста и его причины Татищев изложил в седьмом, завершающем томе своей «Истории» (издание 2018 г.) в разделе «О событиях 1618–1619 гг. с отдельными записями о событиях последующих годов (1625–1677)».

Он повествовал о том, что патриарх Никон, заметив в «церковных книгах» «неисправность переводов», предложил государю созвать собор. На соборе под председательством царя приняли решение отыскать все «древние книги» и затем собрали книг «многое число». Ознакомление с текстами позволило увидеть в них «великие разности». Для уяснения направления дальнейших действий обратились к патриархам в Царьград и Иерусалим. Получив в 1655 г. от патриарха Паисия «утверждение», «согласились книги исправить, а неправо напечатанные истребить» [6, с. 207]. После этого в Грецию отправили старца Арсения Суханова для подбора «старинных книг». Арсений привез 500 греческих текстов, в том числе «Евангелие старо, 1050 лет» и др., и было осуществлено исправление.

В итоге, как подчеркивалось в «Истории» Татищева, «сим исправлением книг ... и сделался ... раскол Капитонов или лжеимянующихся староверцов» [6, с. 207].

В. Н. Татищев о расколе и раскольниках. Если в «Истории Российской» Татищев ограничивался констатацией фактов предыстории и начальной истории раскола, то в теоретической работе «Разговор дву [х] приятелей о пользе науки и училищах» ученый обратился к старообрядчеству в контексте широких мировоззренческих, научных проблем.

В своем просветительском заключении о «расколах» Татищев становился на сторону официальной церкви, подчеркивал, что упомянутые «ереси» (слово «ересь» Татищев переводил как раскол, а под еретиками понимал раскольников) не имеют оснований в «письме святом». Историк резко осуждал убеждения старообрядцев, а носителей этих убеждений именовал «безумными» [7, с. 76]. Все «ереси», по его словам, «плутами начаты», в «невеждах рассеяны», а их «прения большею частию до веры не принадлежат» [7, с. 81].

Еретиков, или раскольников, он делил на две группы: «глупых, нерассудных», не понимающих сути веры, и «сущих ересиархов и зловерия производителей». Наибольшую опасность, по его словам, представляли ересиархи – «читатели книг», люди ученые. Они обладали «остроречием», отличались коварством, лицемерием, могли внести сомнение в души слушателей, исказить «истинное учение» и навязать людям свои ошибочные взгляды [7, с. 81].

В ряд «сущих ересиархов» он ставил как «начальников ереси» анабаптистов из немецкой истории, так и наших раскольников, протопопа Аввакума. Староверов Татищев квалифицировал как «пустоверов», а ответственность за распространение старообрядческих представлений возлагал на Аввакума. Протопопа он называл «распопом, плутом», носителем «новой ереси староверов», который «простой народ в погибель привел» [7, с. 81]. Историк также обличал и появившихся в среде старообрядцев с развитием раскола беспоповцев, «ересь христовщины».

Свое суждение о деятельности раскольников и о переменах, предпринятых патриархом в церкви, Татищев высказал, коснувшись известных выступлений Никиты Пустосвята (Н. К. Добрынин [?-1682]). Он не считал, что реформы патриарха Никона (1605–1681) изменили веру, доказывал, что подобные утверждения распространяли старообрядцы. По словам историка, «великий плут» Никита разносил в народе мысль, согласно которой патриарх Никон «старую веру отринул, а новую произнес» и ввергал «подлый народ и стрельцов» в «великое смятение» [7, с. 88]. Явившись к дворцу, он просил «патриарха Иоакима и всех епископов на суд к себе», грозил расправой над боярами и «фамилией царской» [7, с. 89].

Религиозный раскол Русской православной церкви Татищев ставил в ряд антигосударственных выступлений. Согласно его оценке, деятельность Ивана Болотникова, стрельцов, Степана Разина, а за пределами отечества – Кромвеля и ему подобных и деяния раскольников – протопопа Аввакума, Никиты Пустосвята были вызваны одинаковыми причинами [7, с. 88]. «Бунты и ереси», считал Татищев, происходят от коварных и злостных плутов, возмущающих народ под прикрытием защиты «веры или государя» [7, с. 88, 84]. Они возникают «из суеверства», «подлости и невежества» [7, с. 84, 86].

В общих философских рассуждениях, в частности о соотношении законов церковных и божественных, Татищев высказывал позицию, более широкую, чем точка зрения Никона или старообрядцев. Историк писал, что в церковных законах, в отличие от божественных, есть начало человеческое – «чиновное или политическое». Применяя это соотношение к молитве, он заметил, что обращение «к богу... от любви и по письменному закону есть должность человека». А далее подчеркнул, что «когда и как молиться, сие нам оный закон оставляет на возможность нашу» [7, с. 123].

Предоставляя человеку право самому определять, «когда и как молиться», Татищев косвенно подвергал сомнению обрядовый предмет спора Никона и староверов.

В. Н. Татищев о патриархе Никоне. Татищев, в отличие от апологетов клерикально-охранительной доктрины, не был безоговорочным сторон-

ником церковной точки зрения на события отечественного прошлого: раскол, историю церкви и ее деятелей. С просветительской позиции он обличал как «архиепископов римских», так и отечественных.

Историк писал о преследовании западной церковью людей «высокого ума и науки» – Вергилия, Коперника, Пуфендорфа и др. Подчеркивал, что инквизиция в Италии, Испании, Португалии «разоряла, мучила, умерщвляла токмо за то», что человек с папою был не согласен, его законы, уставы называл человеческими, а «не божескими» [7, с. 76].

В этот ряд достойных обличения деятелей Татищев ставил и некоторых служителей отечественной церкви. Он обвинял патриарха Никона в «папешском властолюбии» и осуждал за жестокое отношение к раскольникам, подчеркивал, что у нас Никон и его наследники «многие тысячи» людей «пожгли и порубили или из государства выгнали» [7, с. 99, 76]. Он критиковал патриарха Иосифа (?–1652), которого считал «нерассудным».

Историк выставлял на вид сребролюбие иерархов католической церкви, их антипросветительские устремления. Римские чиновники, по его словам, запрещали «истинную философию», «полезную» «в деле веры», чтобы держать народ в неведении, «для утверждения богопротивной власти и приобретения богатств» [7, с. 80]. В схожих грехах он уличал и некоторых наших служителей церкви.

При Иосифе, Никоне, по словам Татищева, сжигали «латинские книги», а людей, которые их читали, наказывали. Никон, как подчеркивал историк, стремился держать «народ и шляхетство» «в неведении» [7, с. 99]. Правда, характеризуя положительно деятельность ряда русских митрополитов, он отмечал, что и Никон хотел школу в Москве «в лучшее состояние привести» [7, с. 99].

Заключение. Татищев, в отличие от господствующей историографии раскола, рассматривал отечественную историю, «староверие», применяя сравнительно-исторический метод, в широком контексте мировых явлений. Используя этот теоретико-методологический прием, сопоставляя некоторые, в том числе и негативные, явления в католической и православной церквях, он первым вывел историю старообрядчества за рамки чистой схоластики и отечественной темы, на европейский уровень.

Историк был монархистом, которого вдохновлял конкретный пример деятельности Петра I, его реформы. При этом позицию церкви он не абсолютизировал.

В своей доктрине раскола историк опирался на преобразовательную политику императора в отношении церкви и раскола. С научно-просветительской точки зрения Татищев обличал «папешское властолюбие» Никона, жесткость его мер по пресечению раскола.

Он вслед за сторонниками точки зрения официальной церкви ругал подвижников старообрядчества – протопопа Аввакума, Никиту Пустосвята. В их протесте Татищева особенно смущала его антигосударственная направленность.

Сторонник официальной доктрины раскола более позднего периода Н. Г. Устрялов, исповедовавший теорию официальной народности, в отличие от историка XVIII в., безоговорочно поддерживал церковь.

Взгляд Татищева на старообрядчество не являлся светской калькой с клерикально-охранительной доктрины. Он не сравнивал тексты, мнения для доказательства неправоты, «невежества» апологетов «старой веры», как это делали сторонники клерикально-охранительной доктрины, оперировал нравственными категориями, гражданскими мотивами, подчеркивал общее с бунтами антигосударственное основание раскола.

Список литературы

1. *Быковская Г. А., Черных В. Д., Злобин А. Н.* Проблемы взаимоотношений государства и церкви: историография церковного раскола XVII в. // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. 2011. Т. 13, № 3. С. 198–202.
2. *Маджаров А. С.* Афанасий Прокопьевич Щапов: история жизни и жизнь «Истории». Иркутск : Иркут. обл. тип. № 1 им. В. М. Посохина, 2005. 528 с.
3. *Маджаров А. С.* История России в теории цивилизаций : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 211 с.
4. *Маджаров А. С.* Развитие концепции религиозного раскола Русской православной церкви и земства во второй половине XIX в. (С. М. Соловьев, А. П. Щапов) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2017. Т. 19. С. 40–50.
5. *Соловьев С. М.* Писатели русской истории VIII в. Василий Никитич Татищев // Сочинения. В 18 кн. История России с древнейших времен. М. : Мысль, 1995. Кн. 16. С. 199–221.
6. *Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен. В 7 т. Т. 1. М. : Акад. проект, 2016. 676 с.
7. *Татищев В. Н.* Разговор дву [х] приятелей о пользе науки и училищах // Избр. произведения. Л. : Наука, 1979. С. 51–133.
8. *Шапиро А. Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М. : Культура, 1993. 761 с.

Development of Official Doctrine of the Religious Schism in the Russian Orthodox Church in the Works by V. N. Tatishchev

A. S. Madzharov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The paper deals with the development of the official doctrine of the religious schism in the Russian Orthodox Church in the works by V. N. Tatishchev. The author showed the way the Russian historian had developed the first “secular” doctrine of the religious schism in the Russian Orthodox Church using rationalism, enlightenment, and monarchism. Tatishchev did not think that reforms of Nikon had not changed faith. He condemned the Old Believers, he also disapproved of Protopope Avvakum and Nikita Pustosvyat and called them “cheats”, bearers of “Old Believers’ heresy” and “ordinary folks” destroyers. In addition to that the historian criticized Patriarch Nikon for cruel treatment towards the fringe group. Tatishchev considered Old Belief against the background of other things happening in the world. Using comparative and historical method he was the first to analyze the history of the Old Believers beyond scholasticism, Russian framework and introduced it into the European content.

Keywords: historiography, V. N. Tatishchev, religious schism in the Russian Orthodox Church, theory, methodology, ideology, rationalism, monarchism, comparative historical method, priest and protective doctrine of the schism, official doctrine of the schism.

For citation: Madzharov A. S. Development of Official Doctrine of the Religious Schism in the Russian Orthodox Church in the Works by V. N. Tatishchev. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2019, vol. 27, pp. 67-76. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.27.67> (in Russian)

References

1. Bykovskaya G.A., Chernyh V.D., Zlobin A.N. *Problemy vzaimootnoshenij gosudarstva i cerkvi: istoriografiya cerkovnogo raskola XVII v.* [Problems of Relations of State and Church: Historiography of the Church Schism of the XVII Century]. [Izv. of the Samara scientific center of the Russian Academy of Sciences], 2011, vol. 13, no 3, pp. 198-202. (in Russian)
2. Madzharov A.S. *Afanasiy Prokop'evich Shchapov: istoriya zhizni i zhizn' «Istorii»* [Afanasiy Prokopievich Shchapov: the life story and the life «History»]. Irkutsk, Irkutsk regional printing N 1 V.M. Posohina Publ., 2005, 528 p. (in Russian)
3. Madzharov A.S. *Istoriya Rossii v teorii civilizacij* [History of Russia in the theory of civilizations]. Irkutsk, ISU Publ., 2014, 211 p. (in Russian)
4. Madzharov A.S. *Razvitie koncepcii religioznogo raskola Russkoj pravoslavnoj cerkvi i zemstva vo vtoroj polovine XIX v. (S. M. Solov'ev, A. P. SHCHapov)* [Development of the Concept of the Russian Orthodox Church Splitting and the Zemstvo in the Late XIX (S. M. Solovyov, A. P. Shchapov)]. [The Bulletin of Irkutsk State University. Political Science and Religion Studies], 2017, no 19, pp. 40-50. (in Russian)
5. Solov'ev S.M. *Pisateli russkoj istorii VIII v. Vasilij Nikitich Tatishchev* [Writers of Russian history II. Vasily Nikitich Tatishchev]. Compositions. History of Russia since ancient times. Moscow, Thought Publ., 1995, no 16, pp. 199-221. (in Russian)
6. Tatishchev V.N. *Istoriya Rossijskaya s samyh drevnejshih vremen. V 7 t. T. 1* [Russian history from the most ancient times]. Moscow, Academic project Publ., 2016, 676 p. (in Russian)
7. Tatishchev V.N. *Razgovor duv [h] priyatelej o pol'ze nauki i uchilishchah* [A conversation between two friends about the benefits of science and schools]. Selected works. Leningrad, Science Publ., 1979, pp. 51-133. (in Russian)
8. Shapiro A.L. *Russkaya istoriografiya s drevnejshih vremen do 1917 g.* [Russian historiography from ancient times to 1917]. Moscow, Culture Publ., 1993, 761 p. (in Russian)

Маджаров Александр Станиславович
доктор исторических наук, профессор
кафедра истории России
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003,
г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)243875
e-mail: massa49@yandex.ru

Madzharov Alexander Stanislavovich
Doctor of Sciences (History), Professor
Department of History of Russia
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
tel.: 8(3952)243875
e-mail: massa49@yandex.ru

Дата поступления: 03.12.2018

Received: December, 03, 2018